

Противодействие идеологии современного терроризма

Кириленко В. П.^{1*}, Алексеев Г. В.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Противодействие идеологии терроризма — важная составляющая системы обеспечения национальной безопасности России. Искоренение радикальных проявлений экстремизма зависит от качества народного образования и социальной защищенности населения в силу того, что преступные террористические сообщества стремятся использовать любые проявления конфликта социальных интересов и политического кризиса в международной системе для вовлечения наименее социально защищенных, как правило, молодых людей, в систему воспроизводства радикального насилия. Формирование высокой политической и правовой культуры современного российского общества должно стать следующим этапом кампании по противодействию идеологии терроризма. Эффективное миростроительство на региональном уровне, как и устойчивое развитие мирового сообщества в целом, обеспечивается конструктивными политическими проектами, создающими атмосферу патриотизма и уверенности в достижении успеха всеми активными членами общества. Идеология терроризма, напротив, является деструктивной политической технологией, которая порождает в обществе неуверенность, недоверие и разобщенность. Подрывая устойчивое развитие государства, насильственный экстремизм, порождающий террористические акты, должен встречать эффективное противодействие со стороны правоохранительных органов; при этом наиболее опасные идеологи терроризма становятся легитимной целью для операций военного характера. Однако государственным органам следует осуществлять нейтрализацию террористической угрозы при помощи рациональных политических усилий, во многих случаях полагаясь на контртеррористическую пропаганду, высокое качество образования и социальное партнерство с теми институтами гражданского общества, которые заинтересованы в искоренении угрозы терроризма.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, образование, миростроительство, средства массовой информации, права человека

Countering the Ideology of Modern Terrorism

Kirilenko V. P.^{a*}, Alekseev G. V.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

Countering violent extremism and ideology of terrorism is an important component of the Russian national security. The eradication of terrorism depends on the quality of public education and social security, because criminal and terrorist communities seek to use any signs of social conflict and political crisis in the international system to involve the least socially protected citizens (young people as a rule) in the system of reproduction of radical violence. The formation of a high political and legal culture of modern Russian society should be the next stage of the campaign to counter the ideology of terrorism. Effective peacebuilding at the regional level, as well as sustainable development of the world community as a whole, is provided with constructive political projects that create an atmosphere of patriotism and confidence in the achievement of success by all active society members. The ideology of terrorism, on the contrary, is a destructive political technology that creates uncertainty, distrust and disunity in a society. Undermining the sustainable development of the state, violent extremism that

engenders terrorist acts must meet with effective opposition from law enforcement agencies; with the most dangerous ideologists of terrorism becoming a legitimate target for military operations. However, state authorities should neutralize the terrorist threat by means of rational political force, in many cases relying on counter-terrorism propaganda, high quality of education and social partnership with those institutions of civil society that are interested in eradicating the threat of terrorism.

Keywords: terrorism, extremism, education, peacebuilding, mass media, human rights

---

Президент Российской Федерации В.В. Путин 16 февраля 2017 г., выступая на коллегии Федеральной службы безопасности, справедливо отметил, что «в борьбе с терроризмом... следует действовать на опережение — вовремя отслеживать в интернете сайты экстремистской направленности»¹. Экстремизм как идеология, порождающая терроризм в условиях информационного общества, опасно мутировал из преступной деформации политического поля на национальном уровне в глобальную угрозу международному общению и устойчивому развитию мирового сообщества. Реализация принципа правового государства требует от национального правительства минимизации рисков, связанных с распространением идеологии терроризма. Современный терроризм в рамках виртуального пространства интернета стал критической угрозой для конституционного строя Российской Федерации, где жизнь и здоровье человека провозглашены высшей ценностью.

Экстремизм проник в средства массовой информации и социальные сети, где стал радикальной формой политического протеста. Идеология новых форм экстремизма и терроризма угрожает национальной и международной безопасности, причиняет вред физическому, психическому и социальному здоровью людей. Лидеры современных террористических групп при помощи насилия обеспечивают широкую известность себе и радикальным идеологическим концепциям, склоняющим людей к совершению террористических актов. В борьбе с этим злом не следует искать компромиссов, поскольку здесь разворачивается социальный конфликт между персональной тщеславием преступников и человеческой жизнью. При этом, как известно, «механизмом трансформации позитивной идентичности в негативную может служить механизм формирования „образа врага“» [1, с. 109].

В отличие от оппозиционных и запрещенных в некоторых странах на национальном уровне экстремистских (по причине наличия в их программных документах призывов к вооруженной борьбе) партий и движений, организованные группы международных террористов используют идеологию страха как оружие против социальных институтов власти и гражданского общества, преследуют своей целью глобальное уничтожение национальной государственности. В ответ на попытку такого современного терроризма запугать мировое сообщество необходима широкая консолидация политических сил и социальное партнерство в деле искоренения тех убеждений, которые при помощи жестокого насилия добиваются всеобщего регресса и установления собственной диктатуры.

Обстоятельные научные исследования свидетельствуют об активизации неофашистов в непосредственной близости границ Российской Федерации [3]. При этом образы террористов во многом отражают «ложное восприятие как истинных целей, которые они преследуют, так и тех реальных корпоративных структур, которые финансируют и направляют их деятельность» [5, с. 30]. В противодействии очевидной

---

¹ Владимир Путин поставил перед ФСБ задачу жестко пресекать проявления экстремизма [Электронный ресурс] // Первый канал. Официальный сайт. https://www.1tv.ru/news/2017-02-16/320047-vladimir_putin_postavil_pered_fsb_zadachu_zhestko_presekat_proyavleniya_ekstremizma (дата обращения: 20.03.2018).

угрозе появления новых форм терроризма существует ряд проблем как с достижением целей контртеррористических операций, так и в состоянии общественного мнения вокруг борьбы с терроризмом [20, с. 135]. Представляется, что многие проблемы в борьбе с терроризмом обусловлены эффективностью тех политических технологий, которые применяют радикалы для мобилизации своих сторонников [16].

После распада СССР, по мнению отечественных ученых, широкое распространение идеологии экстремизма и терроризма затронуло ряд регионов России (Дагестан и другие республики Северного Кавказа, республики Татарстан, Башкортостан, Ставропольский край, Москву и др.) [14]. При этом основной формой распространения идеологии терроризма стало общение в социальных сетях на национальные и религиозные темы, ориентированное на вовлечение отдельных представителей молодежи в преступную деятельность террористических группировок. Основным методом такой криминогенной идеологической работы выступают манипулятивные техники адресного вовлечения в экстремистское общение преимущественно молодых людей [2], испытывающих проблемы с социализацией. Формирующиеся в результате идеологических манипуляций экстремистские социальные сети направлены на активизацию радикального протестного образа политического мышления населения. По результатам социологических исследований выявлены существенные проблемы с религиозной составляющей общественного сознания некоторых малочисленных слоев российского населения. Наблюдается устойчивая тенденция к формированию «экстремистских настроений у молодежи, живущей в больших городах, полиэтнических регионах» [15, с. 115].

В этом контексте Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 гг. (утвержден Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 г. № Пр-1069) отражает реальные угрозы национальной безопасности и обеспечивает нейтрализацию той «совокупности идей, концепций, верований, догматов, целевых установок, лозунгов, которая обосновывает необходимость террористической деятельности и направлена на мобилизацию людей для участия в этой деятельности» [19, с. 4]. Реализация Комплексного плана предполагает мобилизацию широкого круга российских государственных органов и средств массовых коммуникаций для формирования патриотических и духовно-нравственных ценностей в социально-культурном пространстве России, защиты информационного пространства страны от проникновения идей, оправдывающих террористическую деятельность. Очевидно, что мероприятия Комплексного плана оказали положительное влияние на национальную безопасность Российской Федерации и усилия по их реализации должны быть продолжены. Необходима последовательная политика по расширению универсальной и региональной антитеррористической пропаганды, которая учитывает особенности угрозы распространения идеологии терроризма в современных геополитических условиях.

Глобализация и развитие информационных технологий оказали многоплановое влияние на идеологию терроризма, создав виртуальное пространство, способствующее охвату радикальными идеями более широкой целевой аудитории. Идеология международного терроризма изначально ставила стратегический приоритет проникновения и оккупации значительной части виртуального пространства социальных сетей, трансформируя массовое политическое сознание в сторону его радикализации, оказывая прямое и косвенное воздействие на государственный аппарат, бизнес, частные домохозяйства и международную торговлю. В стремлении обеспечить безопасность на этом тревожном фоне институты государственной власти широко используют различные комбинации мер борьбы с терроризмом, которые в основном носят социальный, политический или финансовый характер [25], при этом комплексная борьба с терроризмом неизбежно будет ограничивать некоторые права и свободы человека. Любые ошибки в вопросе обеспечения безопасности

используются радикалами в процессе идеологических манипуляций, нацеленных на активизацию насильственной борьбы против «несправедливой» власти.

В историю ушли времена, когда лауреат Нобелевской премии мира Нельсон Мандела (Nelson Rolihlahla Mandela) боролся против преступного режима апартеида в ЮАР [11]. Новый терроризм стал опираться на примитивное правосознание тех отдельных категорий населения, кого удастся увлечь мифами религиозно-националистического толка; эта преступная идеология ориентирована на привлечение максимального внимания к шокирующим по жестокости актам терроризма. Нет никаких сомнений, что конкретные проявления идеологии терроризма и экстремизма могут значительно отличаться по степени общественной опасности самих актов и форм устрашения населения, однако те «ценности», во имя которых сегодня совершаются акты международного терроризма, во многом иррациональны и оказывают эмоциональное воздействие на людей с нестабильными политическими взглядами. Профилактика терроризма тесно связана с популяризацией научной картины мира.

Иллюстрируя иррациональность и сложность экстремистского поведения террористов, американский ученый Брюс Хоффман утверждает, что терроризм представляет собой политически мотивированное насилие в отношении мирного населения, оправданное с позиции террористических организаций несовершенством административной системы страны [26]. Очевидная абсурдность обоснования возникновения идеологии современного терроризма стремлением людей к справедливости далеко не всегда четко отражается в научных исследованиях. Так, например, С. Ш. Муслимов полагая, что «религиозный экстремизм и терроризм — это ответная реакция обездоленных слоев общества на социально-экономические условия, приведшие их к массовому обнищанию», пишет, что «это движение молодежи, не занятой трудом, которая не может найти свое место в жизни» [17, с. 42]. Другие исследователи идут еще дальше в поисках «идеи справедливости в терроризме», утверждая, что «в основании каждого террористического акта как протеста лежит чувство возмущения и обиды в отношении того, как обеспечиваются для той или иной группы людей конкретные национальные, правовые, экономические и другие права» [6, с. 70]. Однако на практике «сегодняшних террористов отличают ярко выраженный экстремизм и безапелляционность; для них нет ничего святого» [8, с. 14]. Именно вследствие неспровоцированной жестокости в отношении гражданского населения всякие стремления анализировать современную идеологию терроризма необходимо реализовывать вне контекста борьбы за власть и справедливость, исключительно в криминологическом контексте.

Правоохранительным органам в профилактической работе необходимо, прежде всего, опираться на криминологическую характеристику преступлений терроризма, создавать положительные образы специальных подразделений, борющихся с терроризмом [4], формировать гражданскую ответственность и патриотизм [12]. При этом, следует системно анализировать причины преступного поведения отдельных лиц или групп, совершающих и провоцирующих насильственные действия. В профилактике распространения идеологии терроризма также полезно исследование политических целей, которые преследуют террористы и тех средств, которые они используют для вовлечения отдельных членов общества в свои ряды и запугивания остальных людей. Вместе с тем справедливо, что социально-политические причины, по которым террористические сообщества возникают в определенных областях, достаточно часто отражают причинно-следственную связь между терроризмом и экономическими условиями окружающей среды, однако, как видно из научных исследований западных ученых, эта связь не всегда является прямой [23; 29; 32].

По справедливому утверждению американского ученого Макса Абрахмса (Max Abrahms), фактический анализ поведения террористов опровергает предположение

о том, что стратегическая модель терроризма реализуется рациональными субъектами, которые мотивированы в первую очередь на достижение политических целей. Значительная часть эмпирических исследований и их теоретический анализ показывает, что террористы являются рациональными людьми, которые используют терроризм, прежде всего, для развития устойчивых аффективных связей с другими террористами. Учет этой идеологической трансформации необходим как при модернизации методов научного исследования терроризма, так и в базовом практическом подходе политического сообщества к борьбе с терроризмом [21].

Завеса секретности вокруг борьбы с терроризмом рассматривается многими западными учеными как необходимая особенность работы спецслужб, ошибки в работе которых объясняются во многом несогласованностью между правоохранительными структурами. По мнению британского ученого Джереми Кинана (Jeremy H. Keenan), промахи в направленной на противодействие терроризму политике Соединенного Королевства Великобритании объясняются «неадекватностью разведывательных служб, в частности, зависимостью [британской Секретной разведывательной службы (Secret Intelligence Service — SIS)] MI6 от дружественных (проху) разведывательных служб; отношений между разведками и правительствами» [28, р. 190].

Очевидно, что политическая конкуренция за власть в международной системе создает значительное число ложных целей, в том числе коллективных насильственных протестов, которые призваны отвлекать власти государства от решения жизненно важных задач. Зная о существующих в современных международных отношениях разногласиях и экономических проблемах, боевые ячейки террористических организаций (для решения социально-политических задач по мобилизации и рекрутированию целевой аудитории экстремистских сообществ) провоцируют активность государства по разворачиванию масштабных контрмер. Публичная власть обязана реагировать в полную силу на проявления терроризма, сохраняя правопорядок и обеспечивая национальную безопасность. Характеризуя идеологию бесперспективных террористических атак и крайне агрессивную реакцию на них со стороны власти, американский ученый Вильям Спаниэль (William Spaniel) разумно предположил, что поскольку правительства государств часто не уверены в реакции населения на атаки террористов, то более слабые группы иногда блефуют, атакуя и демонстрируя кажущуюся силу. С целью проверки этого блефа, правительства рационально реагируют на атаки крупномасштабными операциями, хотя все знают, что возможно решить проблему меньшими силами [33].

Центральная идея современного терроризма — ослабление государства за счет создания протестных элит, а также реальных и мнимых террористических угроз. Теоретически, протестные элиты могут решить проблему обеспечения массовости радикального протеста, реализуя две политические стратегии. Во-первых, они могут использовать экономические инструменты, в том числе прямые выплаты, которые новобранцы получают при присоединении к радикальным сообществам, при этом в дальнейшем террористы всегда стремятся заработать путем грабежа, рэкета или эксплуатации завоеванных территорий [24]. Сторонникам террористов для обеспечения их лояльности могут предоставляться еда, жилье или безопасность. Например, одна из особенностей талибов в Афганистане заключалась в том, что они предоставляли гражданам защиту от произвола и насилия [27]. Вторая стратегия, которой могут следовать протестные элиты, состоит в наказании за неучастие в политическом протесте. Лидеры террористов способны причинять значительный вред тем гражданам и лицам, которые предпочитают оставаться не вовлеченными в насилие и поддерживают законную власть [22].

Противостояние власти и воинствующих экстремистов разворачивается в плоскости политического сознания народа. Доверие граждан к действующей власти

и их патриотический настрой по отношению к стране позволяют с относительной легкостью противостоять совместными усилиями государственной власти и институтов гражданского общества любым проявлениям радикального насилия и маргинального протеста [9, 10]. Однако, как справедливо отмечает известный американский политолог Барбара Уолтер (Barbara F. Walter), «чем ниже экономические и материальные затраты [террористов] на привлечение постоянного потока новобранцев, тем больше ресурсов, которые [ими] могут быть потрачены на военные усилия, и тем больше шансов на успех в войне, который может сопутствовать революционной, радикальной группе» [34].

В зарубежной литературе достаточно широко признается влияние ряда экономических факторов на террористическую идеологию и масштабы деятельности террористов. Исследования западных ученых показывают большое влияние экономических факторов на идеологию терроризма [29, р. 209; 32]. В то время как источники финансирования терроризма определяют его идеологию, уровень благосостояния потенциальных исполнителей преступного замысла диктует средства и методы террористических атак. Идеологическую основу терроризма составляют убеждения социальных меньшинств, которые испытывают недостаток авторитета в обществе, но в своей борьбе за власть используют неправовые и насильственные методы, демонстрируя слабость государственного режима [31], бросая вызов государственной монополии на применение насилия. Сами террористы являются политическими маргиналами и, ослабляя государство, они всегда проигрывают борьбу за власть, но в тени экстремистских сообществ, как правило, скрывается противник менее радикальный, но более опасный для ослабленной борьбой с террором страны. Нейтрализация оппозиции, использующей терроризм в своих политических интересах, становится для многих слабых национальных правительств нерешаемой задачей и приводит к смене правящей элиты и утрате авторитета представителями политического класса. В профилактике терроризма следует учитывать тот факт, что современный (новый) терроризм использует иррациональный страх людей перед немотивированным насилием для подрыва национальной безопасности в развитых странах.

Идеология такого явления, как «новый терроризм», действительно отличается от «старого» терроризма национально-освободительных движений XX в. [23]. Развитие криминогенной идеологии терроризма связано с тем, что в общественном сознании организаторы террористических актов ослабляют государство, в то время как идеологи терроризма стремятся компенсировать собственные затраты на дестабилизацию политической обстановки в результате структурной деградации государства, вынужденного тратить все больше ресурсов на борьбу с неуловимым, но пугающим всех противником. «Новый терроризм» не нуждается в постоянной и системной материально-технической поддержке, это удел самоучек со случайным выбором методов нападения и целей, что делает его более жестоким и опасным, поскольку последствия каждого конкретного нападения не могут быть заранее спрогнозированы или рационально объяснены.

Четыре десятилетия общемировых исследований современного терроризма не привели к широкому консенсусу развитых государств в отношении понятия терроризма и определения причастности конкретных лиц к террористическим сообществам. Отсутствие согласия в отношении противодействия идеологии терроризма отмечается почти в каждой статье и всех монографиях, посвященных проблеме терроризма и экстремизма [9]. Многие исследования в области идеологии терроризма с упорством, заслуживающим более достойного применения, стремятся объяснить активность террористических сообществ ошибками власти во внутренней политике, однако непоследовательная политика скорее создает путаницу в вопросе разграничения национально-освободительных движений и экстремистских групп

пировок, чем объясняет тот уровень жестокости мирового терроризма, который делает борьбу с этим злом центральным вопросом международной повестки дня. Так, например, рассматривая Рабочую партию Курдистана как «террористическо-сепаратистскую группу», Соединенные Штаты Америки, Европейский союз и Турция [7] оказываются в чрезвычайно сложной политической ситуации, где курды и радикальные исламисты позиционируются в равной степени вне закона. Очевидно, что анализ курдского вопроса [13] в контексте идеологии терроризма чреват эскалацией этно-политического конфликта и является следствием низкой способности сторон к достижению соглашений. В борьбе с терроризмом одним из существенных условий эффективности его профилактики становится качество политического диалога власти с системной оппозицией.

Противодействие идеологии современного терроризма в условиях демократического, правового государства возможно с высокой степенью эффективности исключительно при условии социального партнерства государственной власти и структур гражданского общества в деле разоблачения идеологических манипуляций террористов, посредством формирования общества граждан, уверенных в завтрашнем дне, правильно понимающих принципы демократии и плюрализма. Криминологические исследования демонстрируют необходимость усилий системы народного образования в деле эффективного противодействия идеологии терроризма. Так, профессор Д. Д. Невирко справедливо уделит внимание подходам к работе по противодействию идеологии терроризма, которые позволяют «системно организовать воспитательный процесс и сформировать устойчивое антитеррористическое мировоззрение населения страны» [18, с. 78]. В Европе также крепнет понимание того факта, что качественное гуманитарное образование молодежи является единственной реальной альтернативой постоянному страху перед спорадическими и дикими проявлениями насилия со стороны людей, обманутых политическими авантюристами [30].

Идеология терроризма трансформировалась в один из самых острых вопросов национальной и международной безопасности благодаря политическим манипуляциям вокруг общественного мнения о власти и справедливости. Снижая уровень публичного порядка в стране и подрывая национальный суверенитет государства, террористы редко получают какие-либо зримые политические привилегии. Мотивы и причины терроризма во многом определяются теми антитеррористическими мерами, на которые террористы провоцируют законную власть, оказывая влияние на критические для авторитета власти сектора государственного управления. Конечная цель идеологии современного терроризма — дискредитация власти, как на уровне государственного аппарата в целом, так и на индивидуальном уровне политических лидеров. Раскручивая спираль насилия и демонстрируя слабость власти, идеологи терроризма максимизируют собственные возможности для достижения конечной цели — пребывания у власти в тех группах, где они способны доминировать.

Крах идеологии терроризма возможен только в плоскости массового сознания, наделенного базовыми знаниями в области политологии и права, где понимание политической обстановки в стране исключает проявления нерациональной ненависти и панического страха. Антитеррористическое мировоззрение предполагает не только легитимное применение силы против террористов, но и взаимное доверие власти и гражданского общества. На практике в большинстве современных антитеррористических стратегий используется военная сила, которая применяется на основе международного права для защиты фундаментальных прав человека. Однако силовые стратегии противодействия террористическим организациям оказывают ограниченное воздействие на идеологию терроризма, которая активно развивается под влиянием эксплицитного (открытого) насилия, как особой формы

распространения идеологии терроризма, которой гарантировано всеобщее социальное внимание. Проблема активных попыток легитимации терроризма за счет харизматического лидерства внутри экстремистских сообществ требует кардинальных решений в сфере образования молодежи как политически ответственных граждан России, обязательного преподавания правовых и политологических дисциплин на высоком профессиональном уровне.

Государства, не обладающие эффективной системой народного образования и ответственными правоохранительными органами, будут оставаться уязвимыми перед идеологией нового терроризма, в силу высокой склонности некоторых политических элит в мировом сообществе к нарушению правовых норм в ходе борьбы за власть и влияние. Практика противодействия идеологии терроризма демонстрирует положительное воздействие на правосознание со стороны эффективных демократических институтов на национальном уровне, способных обеспечить высокий уровень легитимности государственной власти.

В современных условиях риски возникновения террористических групп можно значительно снизить путем патриотического воспитания молодежи и пропагандистских медийных кампаний. Во-первых, необходимо повысить качество профилактической работы правоохранительных структур с молодежью, находящейся в группе риска. Во-вторых, целесообразно поддерживать высокую занятость населения и надеждающую мотивацию граждан страны к общественно полезному труду. И в-третьих, выявление и ликвидация идеологических и финансовых спонсоров терроризма остается центральной проблемой в искоренении губительной для общества идеологии радикального насилия.

Литература

1. *Ачкасов В. А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 106–128.
2. *Бастрыкин А. И.* Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.
3. *Бастрыкин А. И.* Противодействие преступлениям неонацистов на Украине // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 2 (12). С. 20–23.
4. *Громогласова Е. С.* Визуально-образный контекст военного контртерроризма // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 5. С. 45–56.
5. *Гуторов В. А., Ширинянц А. А.* Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30–54.
6. *Дашкова С. В., Карчагин Е. В.* Идея справедливости в терроризме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8–1 (34). С. 70–74.
7. *Жигалина О. И.* Ситуация в этническом Курдистане и перспективы ее развития // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 47–53.
8. *Исаев А. А.* Воспитание и образование как составляющие комплексной работы по противодействию идеологии терроризма // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 14–19.
9. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны // Управленческое консультирование. 2017. № 4 (100). С. 14–30.
10. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Экстремизм и коррупция как проявления политического конфликта // Конфликтология. 2017. № 4 (12). С. 122–136.
11. *Кириленко В. П., Пиджаков А. Ю.* Современный терроризм — глобальная угроза человечеству : монография. СПб. : СПб ГПУ, 2008. 464 с.
12. *Константинов С. А.* Военно-патриотическое воспитание молодежи как комплексная образовательная технология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 3. С. 156–161.

13. Кудряшова Ю. С. Курдский вопрос на фоне войны в Сирии // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 52–57.
14. Маркин В. В., Роговая А. В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. 2012. № 11, С. 142–146.
15. Маркин В. В., Роговая А. В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. 2012. № 12. С. 114–118.
16. Мельник Г. С. Признаки экстремизма в сетевых текстах: лингвистический подход // Конфликтология. 2016. Т. 2. С. 254–259.
17. Муслимов С. Ш. Молодежь Дагестана о религиозно-политическом экстремизме и терроризме // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 42–47.
18. Невирко Д. Д. Противодействие идеологии терроризма. системный подход и практические установки // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3. С. 72–80.
19. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде: аналитич. доклад / отв. ред. В. В. Каберник. М. : МГИМО-Университет, 2015.
20. Щепланова В. В., Суркова И. Ю. Контртеррористические действия: мотивация, оценки и прогнозы // Полис. Политические исследования. 2013. № 3. С. 126–136.
21. Abrahms, M. What Terrorists Really Want: Terrorist Motives and Counterterrorism Strategy // International Security, 2008. Vol. 32, № 4: 78–105 DOI:10.1162/isec.2008.32.4.78.
22. Eck, K. Coercion in Rebel Recruitment // Security Studies 2014. Vol. 23, N 2. P. 364–398, DOI:10.1080/09636412.2014.905368.
23. Field A. The «New Terrorism»: Revolution or Evolution? // Political Studies Review. 2009. Vol. 7, N 2, p. 195–207. DOI: 10.1111/j.1478-9299.2009.00179.x.
24. Gates, S. Recruitment and Allegiance: The Micro-foundations of Rebellion // Journal of Conflict Resolution, 2002. Vol. 46, N 1, p. 111–130.
25. Harris, L. T. London and anti-terrorism in Europe // European View. 2017. DOI: 10.1007/s12290-017-0454-6.
26. Hoffman B. Inside Terrorism: Revised and Expanded Edition. NY : Columbia University Press. 2006.
27. Iannacone L. R., Berman E. Religious Extremism: The Good, the Bad, and the Deadly // Public Choice. 2006. Vol. 128, N 1, p. 109–129.
28. Keenan, J. H. UK Foreign Policy and Intelligence in the Post-Truth Era: Radical Violent Extremism and “Blow-Back” // State Crime Journal, 2017. Vol. 6, N 2, p. 190–213 DOI: 10.13169/statecrime.6.2.0190/
29. Laitin, D. D. Shapiro, J. N. The Political, Economic and Organisational Sources of Terrorism. / Philip Keefer, Norman Loayza, ed. Terrorism and Economic Development. Cambridge: Cambridge University Press. 2007.
30. Manojlovic B. Education at the Heart of Extremism. In: Education for Sustainable Peace and Conflict Resilient Communities. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-57171-3_4.
31. Marcus, A. Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence. New York: New York University Press, 2007.
32. Shiffman, G. M. Economic Instruments of Security Policy. Influencing Choices of Leaders. Palgrave Macmillan, New York. 2006.
33. Spaniel W. Rational Overreaction to Terrorism // Journal of Conflict Resolution 2018. DOI: 10.1177/0022002718756489.
34. Walter B. F. The Extremist’s Advantage in Civil Wars // International Security 2017. Vol. 42 № 2. P. 7–39. DOI:10.1162/ISEC_a_00292

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vvaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

References

1. Achkasov V.A. A role of “an image of the enemy” in processes of ethnopolitical mobilization // Political expertise: POLITEX [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]. 2016. V. 12. N 1. P. 106–128. (In rus)
2. Bastrykin A. I. Crimes against minors in Internet space: on a question of victimologic prevention and a criminal legal treatment // Russian criminological journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2017. V. 11. N 1. P. 5–12. (In rus)
3. Bastrykin A. I. Counteraction to crimes of neo-fascists in Ukraine // Bulletin of Academy of Investigative Committee of the Russian Federation [Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii]. 2017. N 2 (12). P. 20–23. (In rus)
4. Gromoglasova E. S. Visual and figurative context of military counterterrorism // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2017. N 5. P. 45–56. (In rus)
5. Gutorov V.A., Shirinyants A.A. Terrorism as theoretical and historical problem: some aspects of interpretation // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 3. P. 30–54. (In rus)
6. Dashkova S.V., Karchagin E.V. The idea of justice in terrorism // Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. 2013. N 8–1 (34). P. 70–74. (In rus)
7. Zhigalina O. I. Situation in ethnic Kurdistan and prospects of its development // East analytics [Vostochnaya analitika]. 2012. N 3. P. 47–53. (In rus)
8. Isaev A. A. Upbringing and education as components of complex work on counteraction of ideology of terrorism // Bulletin of the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]. 2014. N 2. P. 14–19. (In rus)
9. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. A problem of fight against extremism in the conditions of information war // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 4 (100). P. 14–30. (In rus)
10. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Extremism and corruption as manifestations of a political conflict // Conflictology [Konfliktologiya]. 2017. N 4 (12). P. 122–136. (In rus)
11. Kirilenko V. P., Pidzhakov A. Yu. Modern terrorism — global threat to humankind. Monograph. SPb. : SPb SPU, 2008. 464 p. (In rus)
12. Konstantinov S. A. Military patriotic education of youth as complex educational technology // Messenger of the St. Petersburg University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii]. 2009. N 3. P. 156–161. (In rus)
13. Kudryashova Yu. S. The Kurdish question against the background of the war in Syria // International analytics [Mezhdunarodnaya analitika]. 2017. N 1 (19). P. 52–57. (In rus)
14. Markin V. V., Rogovaya A. V. Counteraction to distribution of ideology of extremism and terrorism among young people // Power [Vlast']. 2012. N 11, P. 142–146. (In rus)
15. Markin V. V., Rogovaya A. V. Counteraction to distribution of ideology of extremism and terrorism among young people // Power [Vlast']. 2012. N 12. P. 114–118. (In rus)
16. Melnik G. S. Features of extremism in network texts: linguistic approach // Conflictology [Konfliktologiya]. 2016. V. 2. P. 254–259. (In rus)
17. Muslimov S. Sh. Youth of Dagestan about religious political extremism and terrorism // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2011. N 11. P. 42–47. (In rus)
18. Nevirko D. D. Counteraction of ideology of terrorism. System approach and practical installations // Bulletin of the Siberian Legal Institute FDCS of Russia [Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii]. 2014. N 3. P. 72–80. (In rus)
19. Counteraction of ideology of terrorism and extremism in the educational sphere and young people: analytical report / ex. edition V.V. Kabernik. M. : MGIMO University, 2015. 76 p. (In rus)
20. Shcheblanova V.V., Surkova I.Yu. Counterterrorist actions: motivation, estimates and forecasts // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2013. N 3. P. 126–136. (In rus)
21. Abrahms, M. What Terrorists Really Want: Terrorist Motives and Counterterrorism Strategy // International Security, 2008. Vol. 32, N 4: 78–105 DOI:10.1162/isec.2008.32.4.78.
22. Eck, K. Coercion in Rebel Recruitment // Security Studies 2014. Vol. 23, N 2. P. 364–398, DOI:10.1080/09636412.2014.905368.

23. Field A. The «New Terrorism»: Revolution or Evolution? // *Political Studies Review*. 2009. Vol. 7, N 2, P. 195–207. DOI: 10.1111/j.1478-9299.2009.00179.x.
24. Gates, S. Recruitment and Allegiance: The Micro-foundations of Rebellion // *Journal of Conflict Resolution*, 2002. Vol. 46, N 1, P. 111–130.
25. Harris, L. T. London and anti-terrorism in Europe // *European View*. 2017. DOI: 10.1007/s12290-017-0454-6.
26. Hoffman B. *Inside Terrorism: Revised and Expanded Edition*. NY : Columbia University Press. 2006.
27. Iannacone, L. R. Berman E. Religious Extremism: The Good, the Bad, and the Deadly // *Public Choice*. 2006. Vol. 128, N 1, P. 109–129.
28. Keenan, J. H. UK Foreign Policy and Intelligence in the Post-Truth Era: Radical Violent Extremism and “Blow-Back” // *State Crime Journal*, 2017. Vol. 6, N 2, P. 190–213 DOI: 10.13169/state-crime.6.2.0190/
29. Laitin, D. D. Shapiro, J. N. The Political, Economic and Organisational Sources of Terrorism / Philip Keefer, Norman Loayza, ed. *Terrorism and Economic Development*. Cambridge: Cambridge University Press. 2007.
30. Manojlovic B. Education at the Heart of Extremism. In: *Education for Sustainable Peace and Conflict Resilient Communities*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-57171-3_4.
31. Marcus, A. *Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence*. New York: New York University Press, 2007.
32. Shiffman, G. M. *Economic Instruments of Security Policy. Influencing Choices of Leaders*. Palgrave Macmillan, New York. 2006.
33. Spaniel W. Rational Overreaction to Terrorism // *Journal of Conflict Resolution* 2018. DOI: 10.1177/0022002718756489.
34. Walter B. F. The Extremist’s Advantage in Civil Wars // *International Security* 2017. Vol. 42 № 2. P. 7–39. DOI:10.1162/ISEC_a_00292

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru